

С.В. Смирнов

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

Русские «мушкетёры» в Китае

Союз мушкетёров Его Высочества Великого Князя Никиты Александровича (Романова) в первой половине 1930-х гг. был одной из крупнейших молодёжных организаций русского Китая. Его история является ярким отражением перипетий жизни русской эмиграции в Китае.

Происхождение Союза обычно относят к началу 1924 г., когда Владимир Гантимуров (происходил из древнего рода тунгусских князей) и трое его друзей под впечатлением шедшего тогда в кинотеатрах Харбина американского фильма «Три мушкетёра» (фильм 1921 г. с Дугласом Фэрбенксом в главной роли) решили создать свою организацию, которая жила бы под девизом «Один за всех, все за одного!» [6, с. 27]. Гантимуров стал д'Артаньяном, Николай Глухих – Портосом, Анатолий Игнатов – Атосом и Борис Щетинин – Арамисом. К этой четвёрке примкнули ещё десять человек («друзья мушкетёров») и Союз начал свою деятельность. Чтобы выделяться среди других молодых людей, «мушкетёры» придумали себе форму – чёрные расклешённые брюки, чёрная рубашка апаш со шнуром на груди, чёрная пилотка и чёрный широкий пояс с кистями. Позднее появились «мушкетёрские» звания. Руководители Союза именовались капитанами и лейтенантами, младшие командиры – сержантами и капралами [1, д. 33723, л. 25–29].

С самого начала «мушкетёры», а среди них было немало бывших кадетов и тех, кто ещё мальчишками принял участие в последних боях Гражданской войны на Дальнем Востоке, оказались в оппозиции к растущему в Маньчжурии советскому влиянию. Их первой программной установкой стал призыв – «за Крест, за Родину, за Императора».

© Смирнов С.В., 2014

После заключения советско-китайского договора 1924 г., восстанавливавшего двойное управление Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), деятельность советских структур на северо-востоке Китая приобрела широкий размах. Началась «борьба за души» молодёжи, одной из жертв которой стало русское скаутское движение, почти полностью прекратившее своё существование. Союз мушкетёров и подобные ему «белые» организации («Союз крестоносцев», «Чёрное кольцо», «13») противостояли деятельности «красных», организованных в составе т.н. Отмола (отряды молодёжи – зарубежный вариант комсомола). Это противостояние выливалось главным образом в жестокие драки, для подготовки к которым и «белые» и «красные» активно занимались спортом (особенно боксом и тяжёлой атлетикой).

В 1925 г. часть «мушкетёров» во главе с Гантимуровым поступили на службу в армию «старого маршала» Чжан Цзолиня, некоронованного короля Маньчжурии. Дело в том, что Чжан Цзолинь с 1924 г. стал активно привлекать в свои войска (армия генерала Чжан Цзунчана) русских эмигрантов, среди которых оказалось немало молодёжи, желавшей получить военное образование и подготовить себя для будущей борьбы за освобождение родины. По приказу начальника Русской авангардной группы в армии Чжан Цзунчана генерала К.П. Нечаева в том же 1925 г. почти исключительно из «мушкетёров» (некоторые молодые люди стали членами организации уже в армии) была сформирована юнкерская рота, выпустившая летом 1926 г. 16 первых молодых русских подпоручиков китайской армии [2, л. 47]. Впрочем, к этому времени Союз мушкетёров уже формально прекратил своё существование.

Во многом причиной прекращения деятельности Союза стали обвинения в адрес Гантимурова. Начальнику «мушкетёров» ставили в вину сговор с командованием Русской группы на поставку в армию добровольцев. Якобы за каждую «мушкетёрскую голову» Гантимуров получал плату. Не желая вступать в пустые дискуссии и, чувствуя груз вины за погибших в китайских междоусобных войнах «мушкетёров», Владимир в 1925 г. объявил о роспуске Союза и в дальнейшем не принимал в его работе никакого участия.

Вскоре после возвращения в конце 1926 г. из армии основной части старых «мушкетёров», столкнувшихся в Харбине с настоящим разгулом «красных» организаций («Красная перчатка», «Орлы Ильича» и др.), было принято решение о восстановлении Союза. Новым начальником организации, состоявшей из двух отрядов, стал Михаил Минаев, в дальнейшем сменившийся Виктором Барышниковым.

В 1929–1930 гг. Союз мушкетеров приобрёл свой окончательный вид. Были приняты программа и устав Союза, придававшие организации монархический и националистический характер. Основной целью Союза являлась «борьба с большевизмом и установление Законной Национальной Власти на территории бывшей Русской Империи» [7]. Шефом Союза по просьбе руководства «мушкетёров» стал Великий Князь Никита Александрович, сын Великого Князя Александра Михайловича, покровителя детско-юношеской Национальной организации русских разведчиков. День принятия Великим Князем шефства над Союзом (7 июля) стал ежегодным праздником «мушкетёров». Союз учредил свой флаг – чёрное полотнище, обшитое по краю золотой бахромой, в центре которого располагался белый крест, увенчанный короной, и лозунг: «С нами Бог, мы – русские». Каждый член Союза имел значок – овал с буквами «С» и «М», увенчанный крестом, и носил на левом рукаве форменной рубашки нашивку в форме угла, обращенного острием вверх с отрядной расцветкой. Во главе Союза стоял штаб, в который входили начальник штаба, казначей и командиры отрядов. Для обеспечения нужд организации были введены членские взносы [1, д. 20290, л. 39; д. 33723, л. 27–29; д. 37829, л. 9, 10].

Количество отрядов Союза в Харбине достигло четырёх (4-й отряд являлся кадетским и был организован для новичков). Несколько отрядов были созданы на линии КВЖД (главным образом восточной), впрочем, просуществовали они недолго. После неудачного для китайской стороны конфликта вокруг КВЖД (1929), советское влияние в зоне железной дороги было восстановлено, что привело к ликвидации большей части «мушкетёрских» отрядов.

Летом 1930 г. несколько старших «мушкетёров», в том числе и В. Барышников, выехали в США для продолжения обучения. Уезжая в Америку, Барышников оставил своим заместителем Владимира Костриченко, однако продолжал поддерживать связь с организацией, направляя письма и приказы в Харбин. Первоначально в деятельности организации всё осталось по-старому, но после вступления в Маньчжурию в сентябре 1931 г. японских войск, ситуация значительно изменилась.

Весной 1932 г. в Маньчжурии было провозглашено создание независимого маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го, также как и Япония занявшего антикоминтерновскую позицию. Это способствовало заметной активизации политической жизни русской эмиграции. Во главе эмигрантской колонии оказались люди с чёткой антисоветской направленностью, появились или вышли из подполья

организации, выступавшие за свержение большевистского строя в России – Харбинское отделение Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), Маньчжурский отдел Корпуса Императорской Армии и Флота (КИАФ), Русская фашистская партия (РФП), и др. Также, как и для других антисоветских организаций, для Союза мушкетёров открылись новые возможности для роста и укрепления.

Союз наладил связи с РОВС и при его поддержке организовал годичные унтер-офицерские курсы, после окончания которых выпускники могли продолжить обучение на двухгодичных военно-училищных курсах Обще-Воинского Союза. Унтер-офицерские курсы имели в своём распоряжении несколько винтовок, часть которых была собрана на улицах города во время эвакуации китайских войск из Харбина весной 1932 г., часть – временно предоставлена Союзу генералом Косьминим, председателем РФП. Руководили занятиями офицеры из РОВСа и имевшие боевой опыт старшие «мушкетёры» — капитаны И. Писарев, В. Костриченко, О. Топорков. «Мушкетёры» участвовали во всех мероприятиях, проводимых РОВС, парадах и шествиях. В летнее время Союз мушкетёров по примеру РОВС проводил для своих членов летний лагерь. Здесь «мушкетёры» отрабатывали на практике полученные теоретические знания по начальной военной подготовке [8, с. 30].

Усложнилась организация Союза. К середине тридцатых годов Союз мушкетёров имел три отдела: первый отдел – в Маньчжурии, второй – в Шанхае, третий – в Сан-Франциско, куда в конце 1920-х гг. выехало на учебу несколько «мушкетёров». Общая численность «мушкетёров» превысила 700 человек, а количество отрядов достигло двенадцати. В Харбине действовало четыре отряда, 5-й отряд работал на станции Яблоня, 7-й – на станции Вэйшахэ, 12-й – в Токио [1, д. 39816, л. 67].

На восточной ветке КВЖД в середине 1930-х гг. был создан Восточный район Союза с центром на станции Пограничная. Возглавил Восточный район подъесаул И.А. Вошило, имевший связи с японской разведкой и белым партизанским движением в приграничных с Приморьем районах.

Шанхайский отдел Союза мушкетёров сформировался в 1934 г. под руководством одного из старших «мушкетёров» – Г.В. Голубкова [1, д. 34673, л. 27]. Появление отдела Союза мушкетёров в Сан-Франциско, по-видимому, было связано с деятельностью Барышниковой и его товарищей.

Расширение деятельности Союза требовало дополнительного финансирования, денег от членских взносов практически ни на что не

хватало. Поэтому «мушкетёры» использовали разные возможности для изыскания дополнительных средств: проводили танцевальные вечера для жителей города (Бал мушкетёров), работали на ликвидации последствий страшного харбинского наводнения 1932 г., и т.д.

За общей благоприятной видимостью активной работы Союза мушкетёров существовало немало проблем. Руководство Союза, многие старшие «мушкетёры», в тридцатые годы были уже людьми женатыми, посвящая значительную часть своего времени работе, которая давала возможность прокормить семью, поэтому всё меньше внимания уделяли работе в Союзе. К тому же пафос антисоветской борьбы всё больше выхолащивался. Ни одна эмигрантская политическая организация, даже такая сильная, как РОВС, не обладали большими возможностями для ведения реальной борьбы за освобождение России от большевиков. Что же касается японцев, настоящих хозяев положения в Маньчжоу-го, они шаг за шагом прибирали к рукам руководство эмигрантскими организациями, вытесняя тех, кто не соглашался с ними сотрудничать. В середине 1930-х гг. у эмигрантского политического актива практически не осталось никакой альтернативы, кроме борьбы за освобождение России в союзе с японцами и под руководством японцев.

В 1935 г. во главе Союза вновь встал вернувшийся из Соединённых Штатов в Харбин В. Барышников. Деятельность «мушкетёров» с его возвращением несколько оживилась. В то же время в Маньчжурии набирал обороты процесс политической консолидации эмиграции под эгидой японского руководства. В конце 1934 г. было создано Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ), призванное встать во главе объединённой на политической антисоветской платформе эмиграции. Те политические организации, которые не выказали большого стремления «служить» японцам, стали закрываться. Это произошло с отделениями РОВС и КИАФ, Восточным казачьим союзом и др. Союзу мушкетёров нужно было приспособливаться к меняющейся обстановке.

В 1936 г. Союз формально перешёл под контроль Дальневосточного союза военных, являвшегося 7-м отделом БРЭМ. Барышников, которому всё это самому сильно претило, тем не менее, был вынужден делать реверансы в сторону японцев и провозглашённого главой русской эмиграции в Маньчжоу-го атамана Г.М. Семёнова. На протяжении 1937 г. в эмигрантском официозе – журнале «Луч Азии», издаваемом БРЭМ, была помещена целая серия статей Барышникова, посвящённых жизни Союза. Начальник «мушкетёров» показывал высокую активность организации: ведутся регулярные занятия в

унтер-офицерской и офицерской группах; хорошо поставлено дело физической подготовки (аппаратная гимнастика, бейс-бол, футбол, кэндо); открываются Мушкетёрские клубы в станционных посёлках Яблоня, Шитоухэцзы, Ханьдаохэцзы и т.д. [3, с. 32]. Количество «мушкетёрских» отрядов достигает двадцати двух [4, с. 38]. Барышников указывал на необходимость создания общего фронта в борьбе с Коминтерном и выступал в поддержку семёновской идеи «россизма», как «идеи Российской Государственности. Идеи национального фронта всех народностей, населяющих территорию бывшей Российской Империи» [5, с. 38].

Все эти шаги были предприняты с одной целью – сохранить как можно больше самостоятельности Союза. Дело в том, что, начиная, по-видимому, с 1936 г., Японская военная миссия (ЯВМ) пытается поставить Союз под контроль с целью использовать «мушкетёров» для борьбы против СССР. Как это было и в случаях с другими организациями, ЯВМ, стремясь к контролю над «мушкетёрами», действует через своё доверенное лицо из эмигрантов. Этим доверенным лицом был генерал Т.П. Москалёв.

В 1936 г. Москалёв предложил свою помощь в развитии работы Союзу мушкетёров. Участвовал в реорганизации Союза, в ходе которой все «мушкетёры» были разделены на три группы – офицерскую, унтер-офицерскую и подготовительную. В состав офицерской группы входили «мушкетёры», получившие военное образование в китайской армии или окончившие унтер-офицерские курсы в 1932–1933 гг., унтер-офицерскую группу составили «мушкетёры», обучающиеся на соответствующих курсах, а подготовительную – новички. Каждая группа имела собственную программу подготовки и инструкторов от Дальневосточного союза военных. В дальнейшем, по мысли Москалёва, на базе Союза предполагалось развернуть 1-й Мушкетёрский полк, доведя численность членов Союза до тысячи человек. Кроме того, генерал предоставлял небольшие денежные суммы руководству Союза [1, д. 27025, т. 2, л. 23–29].

Другой задачей Москалёва являлось вовлечение «мушкетёров» в агентурную и разведывательную работу в пользу японцев, в чём уже отметились ранее некоторые «соколы» из Харбинской дружины Русского Сокола (ликвидирована в 1935 г.) и члены Русской фашистской партии К. Родзаевского. Барышников выступил против вовлечения «мушкетёров» в разведывательную работу, что привело к серьёзным трениям с Москалёвым.

Стремясь скомпрометировать начальника «мушкетёров», Москалёв организовал наблюдение за женой Барышникова и её подругой,

работавших в конторе торгового дома «Чурин и К^о». Их якобы подозревали в работе на советское консульство и американскую разведку. Также при поддержке Москалёва оформилась инициативная группа «мушкетёров» (около 15 человек), выступившая против руководства Союза (чему были и вполне объективные причины). Группу возглавляли лейтенант Борис Новосёлов и капрал Григорий Соколов.

«Раскольники» обвинили руководство Союза в многочисленных злоупотреблениях. В докладе, подготовленном Соколовым и Новосёловым, говорилось, что большая часть «мушкетёрских» отрядов на линии и в других странах, – это не больше, чем фальсификация. «Вся энергия, которая должна идти для достижения основной цели Союза, употребляется лишь для организации очередного годового праздника или для участия в очередном параде». «Лично сам Барышников затрачивает массу энергии, чтобы восстановить мушкетёров против других эмигрантских организаций, особенно против Фашистов. Про Союз казаков им обыкновенно говорилось в смешном тоне или даже в анекдотическом... На всех парадах и манифестациях главной целью было... „утереть казакам нос“». «Почти весь командный состав Союза, капитаны отрядов, должны кассе Союза, но долгов и не погашают, предаваясь лишь пьянству, оставляя работу в Союзе на произвол судьбы» [1, д. 27025, т. 2, л. 3–5], и т.п.

В конце 1937 г. «делом» Союза мушкетёров занялось эмигрантское Бюро. Было назначено расследование, в ходе которого были опрошены представители руководства и члены инициативной группы, проверены отчётные, особенно финансовые, документы организации. В марте 1938 г. Бюро приняло решение признать деятельность руководства Союза мушкетёров в целом удовлетворительной, а лидеров инициативной группы Соколова и Новосёлова снять на полгода с учёта в Бюро «за несовместимые с понятиями чести и достоинства российского эмигранта действия, выразившиеся в применении ими в борьбе против руководителей одной из эмигрантских общественных организаций аморальных средств, в виде распространения клеветнических слухов, анонимных писем и ложных доносов» [1, д. 27025, т. 2, л. 57].

Однако уже через полгода приказом начальника БРЭМ Барышников был отстранён от должности руководителя Союза мушкетёров, что произошло не без участия японцев. Также нужно отметить, что японские власти, несмотря на сопротивление эмигрантов, привлекли часть «мушкетёров» к работе в свою пользу. Некоторые «мушкетёры» обучались в школе агитаторов и пропагандистов ЯВМ, работали в структурах Военной миссии, служили в русских воинских отрядах.

После отстранения Барышникова новым главой Союза был назначен Сергей Егупов, один из «офицеров» Восточного района Союза, работавший в полиции станции Пограничная. Начальником Штаба Союза стал один из «раскольников» – Г. Соколов [1, д. 37829, л. 24]. Кроме того, Союз вместе с другими монархическими организациями эмиграции вошёл в состав вновь сформированного Монархического объединения, которое возглавил штабс-капитан Б.Н. Шепунов, соратник генерала Москалёва по работе на ЯВМ, в прошлом начальник полиции и глава БРЭМ на станции Пограничная. В ответ на смену руководства большая часть «мушкетёров» покинула Союз, и его численность сократилась до нескольких десятков человек.

К концу 1930-х гг. прекратилась деятельность Шанхайского и Сан-францисского отделов Союза. Так фактически завершилась история Союза мушкетёров, хотя официально Союз прекратил своё существование вместе с ликвидацией Монархического объединения в 1942 г.

Источники и литература

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГАОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7044. Штаб 65-й дивизии 3-й армии Мукденских войск, г. Цинанфу. Оп. 1. Д. 3.
3. Луч Азии. Харбин, 1937. № 7 (35).
4. Луч Азии. 1937. № 8 (36).
5. Луч Азии. 1937. № 9 (37).
6. Памяти князя В.И. Гантимурова // Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1998. № 15. С. 27–28.
7. Союз мушкетёров // URL: <http://morz.bfrz.ru/html/mushketery.html> (15.10.2012).
8. Часовой. Париж, 1935. № 141–142.

S.V. Smirnov

Russian “musketeers” in China

The article focused on the activity of one of the most important Russian youth organization in China – Musketeers’ Union – in context of Russian émigré’s history in China.